DOI: 10.31857/S023620070028505-2

©2023 А.С. ЕМЕЛЬЯНОВ

СОВЕТСКИЙ МАРКСИСТСКИЙ ГУМАНИЗМ: ОТ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ К РЕНЕССАНСУ ЧЕЛОВЕКА

Емельянов Андрей Сергеевич — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии.
Курский государственный университет.
Российская Федерация, 305000 Курск, ул. Радищева, д. 33.
ORCID: 0000-0002-1455-3437
andrei.e1992@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные идеи советского марксистского гуманизма. Показано, что, несмотря на идеологический контроль над культурой и наукой, начиная с середины 1930-х годов в советской философии складывается оригинальная версия восточно-европейского марксистского гуманизма. На наш взгляд, советский марксистский гуманизм возникает, во-первых, в результате дебатов 1920–1930-х годов о пролетарской культуре и о гуманизме, а во-вторых, как антифашистское движение. В рамках исследования феномена советского марксистского гуманизма мы обращаемся к анализу трех ключевых нарративов, сложившихся в дискурсе советской философии: пролетарскому гуманизму, социалистическому гуманизму и коммунистическому гуманизму. Пролетарский гуманизм (М. Горький, М. Петросян), на наш взгляд, исторически соответствовал периоду непримиримой идеологической борьбы с абстрактным гуманизмом и фашизмом. Социалистический гуманизм (Н. Бухарин, П. Федосеев, Ф. Константинов) уделял основное внимание материальным и духовным условиям воспитания всесторонне развитой личности. Коммунистический гуманизм (И. Фролов)

УДК 1(091)

соответствовал этапу научно-технической революции, периоду международной разрядки, курсу на демократизацию и гласность во внутренней политике.

Ключевые слова: марксистский гуманизм, пролетарский гуманизм, социалистический гуманизм, коммунистический гуманизм, советская философия, классовая борьба, отчуждение, человек, всесторонне развитая личность, антропологический поворот.

Ссылка для цитирования: Емельянов А.С. Советский марксистский гуманизм: от классовой борьбы к ренессансу человека // Человек. 2023. Т. 34, № 5. С. 114–129. DOI: 10.31857/S023620070028505-2

Марксистский гуманизм по праву является одним из оригинальных течений в философии второй половины XX века. Гуманистические идеи Р. Гароди, А. Лефевра, Э. Фромма, Р. Дунаевской, А. Шаффа и других мыслителей не только творчески развили ряд философско-антропологических постулатов К. Маркса, но и оказали заметное влияние на многие политические процессы в мире (в частности в Восточной Европе). Еще десять лет назад большинство публикаций по данной тематике было посвящено в основном исследованию западного марксистского гуманизма. Лишь в последние годы ситуация изменилась и появились работы, обращающиеся к наследию марксистского гуманизма в Югославии, Польше, Венгрии, Чехословакии и Румынии [Mervart, 2017; Fuchs, 2017; Cistelecan, 2022].

Вместе с тем в отечественной философской историографии закрепилось мнение, что в СССР, где идеи Маркса, помещенные на прокрустово ложе официальной философии диалектического и исторического материализма, систематически искажались, марксистский гуманизм отсутствовал (есть отдельные исключения — см., например: [Корсаков, Синеокая, Пущаев, 2018; Алымов, 2020]). В противовес этой позиции следует сказать, что именно в СССР в стенах Института Маркса-Энгельса в 1932 году были впервые в полном объеме изданы знаменитые «Рукописи 1844 года» Маркса на языке оригинала [Leopold, 2007: 4]. Именно «Рукописи 1844 года» стали тем теоретическим фундаментом, на котором возникли христианский социализм и экзистенциальный марксизм, чье критическое обсуждение породит в 1950-х годах на Западе марксистский гуманизм. Более того, имеющиеся советские источники 1930–1980-х годов опровергают не только тезис, что в СССР марксистский гуманизм отсутствовал (или, если и существовал, не был оригинальным философским направлением), но и позицию,

согласно которой период его существования ограничивался лишь хрущевской оттепелью.

В рамках настоящего исследования я попытаюсь доказать, что советский марксистский гуманизм хронологически появился намного раньше западного и определенным образом повлиял на его развитие.

Марксистский гуманизм как пролетарский гуманизм

Появлению понятия «пролетарский гуманизм» в советском дискурсе предшествовали многолетние дебаты о пролетарской культуре, проходившие в рамках Пролеткульта (А. Богданов, А. Луначарский), РАППа (Л. Авербах, А. Фадеев), ЛЕФа (В. Маяковский, Н. Асеев) и других творческих объединений советской интеллигенции. Дело в том, что Октябрьская революция стала водоразделом не только между двумя политическими системами, но и между двумя культурами — буржуазной и пролетарской. По мнению Богданова, «пролетариату нужно свое, социалистическое искусство, проникнутое его чувствами, его стремлениями, его идеалами» [Богданов, 1990: 98–99]. «Социалистически преобразовать все человечество» [там же: 99] возможно только путем радикальных трансформаций современной культуры, то есть осуществления культурной революции. В связи с этим важное значение приобретает адекватный «перевод» ключевых понятий классической («старой», «буржуазной») культуры на язык нового общества. Одним из результатов этого перевода и оказывается «пролетарский гуманизм», который, согласно известной формуле Маркса «коммунизм — это практический гуманизм», должен быть противопоставлен гуманизму предшествовавшей, буржуазной эпохи.

Впервые термин «пролетарский гуманизм» мы обнаруживаем в одноименной статье Максима Горького, опубликованной в газете «Правда» в 1934 году. В этой статье абстрактному гуманизму западной (буржуазной) традиции советский писатель противопоставляет гуманизм пролетарский. Советский гуманизм, по Горькому, «подлинно общечеловеческий, пролетарский гуманизм Маркса — Ленина — Сталина, — гуманизм, цель которого — полное освобождение трудового народа всех рас и наций из железных лап капитала» [Горький, 1935: 235]. До этого в советской литературе абстрактный гуманизм критиковался по большей степени за «мелкобуржуазный пацифизм» и приверженность «общечеловеческому гуманизму» [Бухарин, 1932: 190]. С выходом статьи Горького дискуссия о гуманизме вышла за границы

литературы в область политики и идеологии. В рамках идеологического противостояния буржуазный гуманизм критиковался Горьким за «лживость и лицемерие». По его мнению, буржуазный гуманизм лишь на словах заявляет о человеколюбии, на деле он проводит «империалистическую политику», борется с национально-освободительным движением в колониях, продвигает политику расовой и национальной дискриминации [Горький, 1935: 234].

Горький подчеркивает, что, в отличие от буржуазного гуманизма, пролетарский гуманизм имеет «исторически обоснованное право на беспощадную борьбу против капитализма, право на разрушение и уничтожение всех гнуснейших основ буржуазного мира» [там же: 240]. Исходя из такой пролетарской метрики, парадоксальным образом даже смерть человека и борьба с определенными представителями человечества — буржуазией — признавалась и обосновывалась им как величайшее благо! «Гибель этого меньшинства (буржуазии. — *А.Е.*) — акт величайшей справедливости», — пишет Горький [там же: 241]. Чуть позже Лукач, комментируя это положение, точно заметит, что «в его (Горького. — *А.Е.*) гуманизме одновременно соединяются восторг и ненависть; он сильнее, полнее и глубже в своей яростной ненависти к любой деградации, чем любой другой предшествовавший ему гуманизм» [Lucács, 1936].

Критика буржуазного гуманизма, являвшаяся центральным элементом пролетарского гуманизма, вместе с тем преследовала и две другие, второстепенные цели. Во-первых, с приходом к власти Гитлера в Германии критика буржуазного (абстрактного) гуманизма приобрела очертания антифашистской кампании. Пролетарский гуманизм теперь уже рассматривался не только как антитеза буржуазной культуре, но и как «единственное орудие» в борьбе с фашизмом. Стоит отметить, что этот мотив был тут же поддержан рядом европейских литераторов (Р. Роллан, В. Серж, К. Манн, А. Курелла) и затем развит в работах представителей Французской коммунистической партии (А. Барбюс, П. Низан, Л. Арагон). Во-вторых, помимо критики буржуазного гуманизма и орудия борьбы с фашизмом, пролетарский гуманизм был одним из средств идеологической поддержки «культа личности». Дело в том, что Сталин уделял особое внимание распространению идей пролетарского гуманизма. В беседе с Роменом Ролланом он даже называется в качестве одного из первых теоретиков пролетарского гуманизма [Сталин, 2006: 107]. Правда, выражение «пролетарский гуманизм» впервые появляется у него только в 1938 году в «Ответе товарищу Иванову, Ивану Филипповичу» [Сталин, 1997: 246]. Стоит отметить, что советская печать (Правда, 1935; Литературная газета, 1935; Под знаменем марксизма, 1935),

которая занималась пропагандой мифа о Сталине как об одном из создателей пролетарского гуманизма, ссылалась — как, в принципе, и Роллан в упомянутой выше беседе, — на знаменитое выступление Сталина о «кадрах» и его фразу о том, что «кадры решают все». Хотя в действительности в упомянутом выступлении нет ни слова о пролетарском гуманизме и даже косвенного на него указания.

В середине 1950-х годов понятие «пролетарский гуманизм» снова проникает в советский философский дискурс, сохраняя при этом черты, свойственные гуманизму еще 1930-х годов. Например, в статье М. Петросян «Марксизм и гуманизм» пролетарский гуманизм рассматривается в качестве теоретико-методологического «орудия разоблачения буржуазной идеологии» [Петросян, 1955: 46]. В указанной работе «прогрессивный» и «революционный» характер пролетарского гуманизма противопоставляется «регрессивному» буржуазному гуманизму. Кроме того, противоречие между ними усиливается анализом развития общественных отношений, из которого следует, что «буржуазия ведет общество не к гуманизации, а к фашизации» [там же: 51].

Таким образом, в 1950-х годах, несмотря на смерть Сталина и наступление периода оттепели, пролетарский гуманизм в советской философии сохранил свою парадоксальную форму, в которой одновременно соединялись пролетарское человеколюбие и пролетарская «ненависть». Эта парадоксальность заключалась в обосновании внутренне противоречивой этики. С одной стороны, провозглашались человеколюбие и, собственно, гуманизм по отношению к пролетариату, с другой стороны — классовая борьба и антигуманизм по отношению к буржуазии. Последнее обстоятельство указывает на то, что пролетарский гуманизм рассматривался советскими марксистами в качестве одного из инструментов идеологического противостояния с капиталистическими странами [Satterwhite, 1992: 109]. Несмотря на то что наиболее активная фаза использования этого нарратива советской идеологии хронологически всегда соответствовала пику внешнеполитического обострения (Вторая мировая война, Берлинский кризис, Корейская война), выражение «пролетарский гуманизм» будет встречаться в советской печати вплоть до 80-х годов.

Марксистский гуманизм как социалистический гуманизм

Если пролетарский гуманизм был напрямую связан с дискуссиями о пролетарской культуре 1920-х годов и логически вытекал

из них, то социалистический гуманизм, хотя и косвенным образом развивая проблематику пролетарского гуманизма, в большей степени концентрировал свое внимание на практических вопросах воспитания социалистической личности. В отличие от пролетарского гуманизма начала 30-х годов, который опирался на дискуссии о пролетарской культуре, социалистический гуманизм опирался на идеи Н.К. Крупской, А.В. Луначарского, В.Н. Сорокин-Росинского и некоторых других советских марксистов 20-х годов. Эта особенность задала дальнейший вектор развития гуманистического дискурса, поместив в центр внимания социалистического гуманизма вопросы места личности в истории, соотношения личного и общественного, а также воспитания всесторонне развитой личности. При этом необходимо отметить, что достаточно продолжительное время (с конца 1930-х до конца 50-х годов) выражения «пролетарский гуманизм» и «социалистический гуманизм» существовали одновременно.

Причинами вытеснения одним выражением другого в конце 1950-х — начале 1960-х годов стали, во-первых, смягчение внешнеполитического, а также идеологического противостояния с Западом и переход к политике мирного сосуществования с капиталистическими странами. Во-вторых, наиболее острый период (1920–1940-е годы) классовой борьбы внутри самого СССР прошел. Внутри страны произошли значительные изменения в экономической и социальной сферах, что необходимым образом отразилось и в философском языке. По крайней мере, именно на это философско-историческое различие обращает внимание М. Петросян в работе «Гуманизм: философский, этический и социологический аспект» [Petrosyan, 1972]. Армянский философ пишет, что в обществе, в котором господствует классовый антагонизм, любое «человеколюбие» означает полный или частичный отказ от классовой борьбы [ibid: 71]. Поэтому там, где существуют классовые противоречия, пролетарский гуманизм становится продолжением революционной борьбы и по содержанию от нее неотличим. Совершенно иначе обстоит дело там, где отсутствуют классовые противоречия или же устранена их большая часть. В таком обществе создается реальная основа для социалистического гуманизма, который отождествляется с социалистическим устройством как таковым: «Социалистический гуманизм… имеет реальную основу в общественной собственности на орудия и средства производства, в ликвидации эксплуатации человека человеком и в безграничной возможности развития физических и духовных способностей человека» [Краткий философский словарь, 1939: 96].

Стоит отметить, что именно практический аспект социального строительства «нового человека» — «социалистической личности» — становится лейтмотивом в развитии советского марксистского гуманизма как социалистического гуманизма. Так, еще в 1938 году в своих тюремных тетрадях Н. Бухарин писал, что всеобщий научно-технический прогресс, «подчинение природы человеку», планомерность в развитии общества, «исчезновение общественной стихии и сознательность (рациональность) процесса общественной жизни», «*очеловечивание* природы и общества и есть основа *творческого* (“артист”) *социалистического гуманизма*» [Бухарин, 2008: 145].

Известный советский педагог А. Макаренко, говоря об опыте Болшевской трудовой коммуны как об опыте организации «фабрики новых людей», также отождествлял социалистический гуманизм с общественно-экономическим строем: «Только наш, советский, социалистический гуманизм означает всестороннее, коренное освобождение, расцвет, счастливое рождение нового человечества, трудящегося, творящего. Труд, раскрепощающий человека, — вот основа нашего гуманизма» [Макаренко, 1986: 11].

В 1960–1970-е годы советская философия во многом под влиянием советской гуманистической педагогики (В.А. Сухомлинский, А.Н. Леонтьев, А.В. Запорожец, П.Я. Гальперин) возвращается к этой традиции. Ярким тому примером является педагогический опыт Павлышевской средней школы, воспитательным идеалом которой и стала всесторонне и гармонически развитая личность, активный участник общественного процесса. Ведь «гармония способностей и потребностей дает человеку ту полноту духовной жизни, которая осознается и переживается им как счастье» [Сухомлинский, 1969: 28]. Ставшие привычными для советской философии темы социалистического понимания личности, ее социализации и всестороннего развития при социализме, таким образом, получили свою новую интерпретацию в трудах П. Федосеева, Ф. Константинова, И. Кона, П. Юдина, Г. Батищева, Г. Смирнова и других.

Пафос «нового гуманизма» был поддержан советскими литераторами и публицистами. На станицах журналов «Литературная газета» и «Вопросы литературы» культивировалось представление о «новом человеке» советского государства — подлинном воплощении «практического гуманизма». Сам социалистический гуманизм мыслился культурным продолжением Октябрьской революции 1917 года. «Новый человек» как «практический гуманист» «социалистического мира — это прежде всего преобразователь обстоятельств, действенный гуманист» [Суровцев, 1967: 12]. Вместе с тем в ряде случаев социалистический гуманизм в своем

революционном значении сделал выводы, которые радикально расходились с советской действительностью. Характерной чертой гуманистического ренессанса в советской литературе (и искусстве в целом) стала личная «исповедь» нового героя, рефлектирующего над теми или иными аспектами социалистического строительства и делающего вывод, что реальный мир советского человека оказывается не таким, каким его рисует официальная советская пропаганда (А. Кузнецов, В. Аксенов, Е. Гинзбург, Т. Владимиров, А. Рыбаков). Таким образом, выражение «социалистический гуманизм» в советской философии обозначало, во-первых, государственный строй социализма, а во-вторых — программу воспитания нового человека или homo soveticus. Стоит отметить, что эти два аспекта понимания гуманизма в рамках советского тоталитарного строя постоянно сближались, подчиняя тем самым духовную сферу жизни человека политической.

Игорь Кон совершенно справедливо уловил в этой тенденции не диалектическое снятие фундаментального противоречия между интересами личности и интересами общества, а прообраз «казарменного коммунизма». Положительная личность, как он утверждает в работе «Социология личности» (1967), — лишь один из фрагментов подлинной личности. Подлинная личность практически никогда не совпадает с общественным идеалом. Более того, Кон утверждает, что в советской философии и психологии «личное» практически всегда подменялось «индивидуальным». Именно поэтому советская традиция, говоря о «всесторонне развитой личности», в действительности подразумевает «всесторонне развитую индивидуальность» отдельного члена общества. Кон настаивает на том, что «общество и личность не тождественны» и «в повседневном опыте выступают как противоположности» [Кон, 1967: 151]. В нашем повседневном опыте, продолжает он, «сознание индивида противостоит общественному сознанию как чему-то внешнему» [там же: 152].

По мнению Кона, гуманистический посыл освобождения человека заключается вовсе не в освобождении его индивидуальности и полном удовлетворении материальных и духовных потребностей (на чем настаивал Сталин и вся последующая официальная идеология), а в освобождении человека как личности, то есть в «самоосвобождении» [там же: 153]. Несмотря на ряд традиционных для марксистских гуманистов «формальных» и «общих» фраз в отношении характера освобождения человека, в работе Кона мы встречаемся с *проблемой отчуждения человека в социалистическом обществе*. Если вся предшествующая советская философия придавала первостепенное значение отчуждению в буржуазном обществе, то проблема отчуждения в социалистическом

обществе была ей во многом проигнорирована. Это обстоятельство привело к появлению в 1960–1970-х годах множества «автономистских» проектов внутри советского общества (в частности, диссидентского движения), в которых «подлинное освобождение (человека. — *А.Е.*) всегда начинается с самого себя» [там же: 154].

Несмотря на то, что позиция Кона на тот момент оказалась невостребованной в официальной советской философии, она косвенно повлияла на дискуссии 1970-х годов между сторонниками создания марксисткой антропологии и ее противниками. Если первые настаивали на институциональном закреплении в системе марксизма-ленинизма философской антропологии, в рамках которой марксистская концепция личности могла бы развиваться как независимая от других разделов научного коммунизма теория, то вторые рассматривали ее лишь как дополнение к уже существующей теории исторического материализма. Отдельную группу составляли философы, выражавшие сдержанный скепсис по отношению к возможностям вообще построить в рамках марксизма «целостную теорию человека/личности» [Ильенков, 1991].

Таким образом, «антропологический поворот» в советской философии на рубеже 1970–1980-х годов стал свидетельством «ренессанса человека» и ренессанса гуманитарных исследований. Кроме того, именно «подлинный», «общечеловеческий» марксистский гуманизм 1970–1980-х годов станет прообразом будущих политических трансформаций в советском обществе, запустив процессы демократизации и деидеологизации в нем.

Позднесоветский марксистский гуманизм

В конце 1960-х годов в гуманистический дискурс советской философии проникает понятие «коммунистический гуманизм». Поначалу понятие коммунистического гуманизма использовалось только в идеологическом ключе, играя роль антитезы абстрактному гуманизму буржуазной идеологии. Однако начиная с середины 1960-х годов оно приобретает ряд совершенно новых оттенков. Во-первых, в условиях международной разрядки понятие коммунистического гуманизма стало частью советского нарратива, выражавшего более «миролюбивую» (чем предшествующие ей) форму гуманизма в рамках международной пропаганды. Во-вторых, объявление Брежневым в 1967 году в СССР наступления эпохи «развитого социализма» требовало на качественно новом уровне подчеркнуть достижения социалистического строительства. Несмотря на то, что Советский союз времен «застоя» был не ближе к коммунизму, чем при Хрущеве, необходимо было

зафиксировать, что гуманизм и всестороннее развитие личности уже стали неотъемлемой частью жизни советских граждан.

Колоссальный разрыв между реальным положением дел и официальным советским дискурсом был причиной появления многочисленных вариантов понимания коммунистического гуманизма, в которых последнее наполнялось экзистенциальным (М. Мамардашвили), этическим (П. Федосеев), а порою даже религиозным (Г. Батищев) смыслом. Несмотря на идеологический контроль со стороны государства, события «Пражской весны» и «Красного мая» 1968 года с их призывом к «социализму с человеческим лицом» и «демократизации» не могли не отразиться на советской философии. Уже в работе Федосеева «Основы научного коммунизма» [Федосеев, 1967: 7] коммунистический гуманизм наполнялся совершенно новыми характеристиками, до этого момента чуждыми советской философии — например, темами внутренней, индивидуальной свободы и автономности человека, а также экзистенциалистскими категориями «выбора» и «ответственности». В отличие от пролетарского гуманизма, содержавшего в себе мощный революционный мотив, который был направлен на трансформацию внешних условий существования человека, новый гуманизм — коммунистический — стал своеобразным опытом советской философии по возвращению человека к самому себе. По идеологическим причинам такой гуманизм не мог быть распространен на политическую сферу и ограничился лишь этическим и моральным (то есть светским) гуманизмом. Однако по своему содержанию он уже значительно отличался от того гуманизма, который до этого момента пропагандировался в советской печати.

До 1980-х годов эти и некоторые другие положения коммунистического гуманизма существовали разрозненно и противоречили не только друг другу, но и идеям самого Маркса. В начале 1980-х программа синтеза широких пластов научных и философских знаний о человеке была реализована коллективом философов (В. Лекторский, В. Межуев, Л. Буева, П. Гуревич) во главе с И. Фроловым [Фролов, 1983]. Эту программу «исправления» и гуманитаризации советской философско-антропологической мысли взял на себя Всесоюзный межведомственный центр наук о человеке, при котором были созданы Институт человека и журнал «Человек». Председателем этого центра стал И. Фролов. Данные институциональные изменения не только содействовали развитию наук о человеке на качественно новом уровне, но и позволили синтезировать взгляды советских философов на проблему гуманизма в единую концепцию.

Первым опытом «комплексной» теории человека стала работа Фролова «Перспективы человека». В этой пропедевтике масштабного антропологического проекта по созданию «единой науки о человеке» [Фролов, 1989: 18] Фролов одним из первых подверг основательной критике вульгарно-детерминистический подход и экономический редукционизм, присущие предшествующей советской гуманистической философии: «…на определенных этапах становления и развития социализма возникли существенные деформации его гуманного и демократического облика. Это исказило и процесс формирования нового человека, и его теоретическое осмысление, включая философское» [там же: 105].

Философское возвращение к подлинному марксизму, а именно к его гуманистической и антропологической составляющей — вот ключевая цель коммунистического гуманизма. Коммунистический гуманизм, по мнению Фролова, — это гуманизм «новой цивилизации», то есть гуманизм «цивилизации техники и информации». Современные эволюционные процессы в технической сфере жизни общества стали основанием для утверждения «новых форм нравственности, новых принципов гуманизма» [там же: 300]. Исходя из этого, коммунистический гуманизм истолковывается им в качестве совершенно новой системы ценностей. Системы ценностей, которая возникает не столько в границах социалистического способа производства, сколько в пространстве всемирной цивилизации.

Ключевым элементом такого проекта стала идея «реального гуманизма». В отличие от «гуманизма действия» Федосеева, подразумевавшего прежде всего личную и экзистенциальную ответственность, и «реального гуманизма» Петросян, нацеленного на критику буржуазной идеологии, «реальный гуманизм» Фролова предлагает в качестве высшей ценности *человека как такового* вне зависимости от его классовой принадлежности или политических взглядов. Последнее обстоятельство указывает на то, что подходы буржуазного светского гуманизма и социалистического гуманизма одинаково ограничены в решении современных глобальных проблем человечества. «Коммунистический гуманизм, этапом становления которого является его социалистическая форма — это именно “новый гуманизм”, соответствующий тем новым условиям, в которых оказалось человечество, в частности, в результате обострения глобальных проблем, появления реальной угрозы для существования человека и человечества» [там же: 300].

В отличие от предшествующей гуманистической традиции советской философии, коммунистический гуманизм, по мысли Фролова, стремится прежде всего не радикально противопоставить себя буржуазному или светскому гуманизму, а, напротив, диалектически их развить. Фундаментальное противоречие между буржуазным и

социалистическим гуманизмом может быть устранено только путем их синтеза. Понятый в таком ключе коммунистический гуманизм становится воплощением «глобального гуманизма» [Корсаков, Фролова, 2019: 15], в котором «классовые ценности» признаются вторичными по отношению к подлинным марксистским ценностям, то есть ценностям общечеловеческим. В рамках нового понимания гуманизма любые формы «омассовления» человека, ведущие к его деперсонализации и обесцениванию, признаются неадекватными и вульгарными. К сожалению, именно это и было навязано «советскому обществу в период сталинской диктатуры и брежневского застоя вульгаризаторами марксизма» [Устинов, 2021: 70].

Новое содержание коммунистического гуманизма трансформировало всю архитектуру гуманистического дискурса советской академической философии. «Новый гуманизм» уже не стремился радикально противопоставить себя другим формам гуманизма, например, буржуазному гуманизму или гуманизму, разрабатываемому в других странах социалистического лагеря. Напротив, «новый гуманизм» вступал с ними в диалог, отбрасывая в сторону авторитарный язык идеологии. Освобожденный от диктата партии, советский марксистский гуманизм конца 1970-х — начала 1980-х годов станет предтечей масштабных изменений в советском обществе, а также в мире в целом.

* * *

Когда Барбара Эпштейн называет «Рукописи 1844 года» «единственным путем», открывающим дорогу к аутентичному прочтению раннего Маркса [Alderson, 2017: 18], то, на наш взгляд, она значительно сужает содержание марксистского гуманизма, упуская особенности его формирования в различных странах. В этом ключе опыт становления советского, а впоследствии и французского марксистского гуманизма, является ярким тому подтверждением. В отличие от Германии, Югославии, Чехословакии и США, где марксистский гуманизм во многом возникает на основе анализа и интерпретации идей раннего Маркса, марксистский гуманизм в СССР (а именно его ранняя историческая форма — пролетарский гуманизм) возникает на основе многолетних дебатов о пролетарском искусстве. Последнее обстоятельство позволяет по-новому взглянуть на предпосылки и особенности формирования марксистского гуманизма в разных частях света, а также расширить его содержание.

Конечно, советская философия на протяжении практически всей своей истории носила на себе печать тоталитарной идеологии, что, однако, вовсе не мешало ее представителям быть важными участниками многих интеллектуальных дискуссий. Так, советский

пролетарский гуманизм одним из первых указал на ограниченность содержания классического гуманизма и его уязвимость перед лицом фашизма. Советские гуманисты 1930-х годов стали одними из первых, кто организовал в Европе антифашистскую кампанию. Последняя будет подхвачена многими европейскими интеллектуалами (Р. Роллан, В. Серж, К. Манн, А. Курелла) и затем развита в работах представителей Французской коммунистической партии (А. Барбюс, П. Низан, Л. Арагон). После Второй мировой войны многие идеи, выраженные советскими гуманистами (М. Петросян, В. Волжин), легли в основу программы деколонизации и стали фундаментом критики европоцентризма.

Несмотря на значительные теоретические расхождения между западным и советским марксистским гуманизмом, дискуссии, развернувшиеся между ними, в ряде случаев носили вполне конструктивный характер. Во многом благодаря этому советская философия смогла критически переосмыслить сталинский период своего развития и *переоткрыть для себя Маркса*. В 1960-х годах на советскую мысль (наряду с французским гуманизмом Р. Гароди, Ж-П. Сартра, Л. Сэва) стали оказывать влияние идеи Э. Фромма, Г. Лукача, А. Шаффа, а также других марксистов. Во многом благодаря этому постоянному и неустанному диалогу с Западом советская философия познакомилась с проблемой отчуждения человека при социализме, включилась в разработку марксистской теории личности и марксистской антропологии. Последнее обстоятельство делает советский опыт марксистского гуманизма сходным опыту других социалистических стран Восточной Европы — Югославии, Чехословакии, Венгрии, Польши, Румынии, где марксистский гуманизм стал предтечей революционных преобразований в духовной и политической жизни общества.

Soviet Marxist Humanism: from the Class Struggle to the Renaissance of Human

Andrey S. Emelyanov
Candidate of Philosophical Science, Senior Lecturer of the Department of Philosophy.
Kursk State University.
33 Radishcheva str., Kursk 305000, Russian Federation.
ORCID: 0000-0002-1455-3437.
andrei.e1992@mail.ru

Abstract. The article considers the main ideas of Soviet Marxist humanism. It is shown that, despite ideological control over culture and science, an original version of Marxist humanism has been developing in Soviet philosophy since the mid 1930-s. Unlike other countries, where the

publication of Marx's Economic and Philosophic Manuscripts played a key role in the emergence of Marxist humanism, this publication did not have the same impact in the USSR. Soviet Marxist humanism results from the debates about proletarian culture and humanism in 1920s-1930s and also evolves as an anti-fascist movement. Studying the subject, we analyze three key narratives: proletarian humanism, socialist humanism and communist humanism. Proletarian humanism (M. Gorky, M. Petrosyan), in our opinion, historically corresponded to the period of irreconcilable ideological struggle with abstract humanism and fascism. Socialist humanism (N. Bukharin, P. Fedoseev, F. Konstantinov) was investigating necessary material and spiritual conditions to bring up a comprehensively developed personality. Communist humanism (I. Frolov) reflected the process of scientific and technological revolution and historically corresponded to de-escalation of international relationships and political course towards democratization and transparency.

Keywords: Marxist humanism, proletarian humanism, socialist humanism, communist humanism, soviet philosophy, class struggle, alienation, human, comprehensively developed personality, anthropological turn.

For citation: Emelyanov A.S. Soviet Marxist Humanism: from the Class Struggle to the Renaissance of Human // Chelovek. 2023. Vol. 34, N 5. P. 114–129. DOI: 10.31857/S023620070028505-2

Литература/References

Альмов С. О личностях и элементалах: позднесоветская социальная философия от марксистского гуманизма к идее Homo sovieticus // Антропологический форум. 2020. № 47. С. 11–52.

Alymov S. O lichnostyakh i elementalakh: pozdnesovetskaya sotsial'naya filosofiya ot marksistskogo gumanizma k idee Homo sovieticus [On Persons and Elementals: Late-Soviet Social Philosophy from Marxist Humanism to the Idea of Homo Sovieticus]. *Antropologicheskij forum*. 2020. N 47. P. 11–52.

Богданов А.А. Социализм в настоящем // *Богданов А.А.* Вопросы социализма. М.: Политиздат, 1990. С. 99–103.

Bogdanov A.A. Sotsializm v nastoyashchem [Socialism in the present]. Bogdanov A.A. *Voprosy sotsializma* [Questions of socialism]. Moscow: Politizdat Publ., 1990. P. 99–103.

Бухарин Н.И. Этюды. Москва; Ленинград: Гос. техн.-теоретич. изд-во, 1932.

Buharin N.I. *Etyudy* [Etudes]. Moscow; Leningrad: Gos. tekhn.-teoretich. izd-vo Publ., 1932.

Горький М. Пролетарский гуманизм // Собрание соч.: в 30 т. Т. 27. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. С. 233–241.

Gorky M. *Proletarskii gumanizm* [Proletarian humanism]. Sobranie soch.: v 30-ti tomah [Works: in 30 vols.]. Vol. 27. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1953. P. 233–241.

Ильенков Э.В. О сущности человека и гуманизме в понимании Адама Шаффа (О книге Адама Шаффа «Марксизм и человеческий индивид») // *Ильенков Э.В.* Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. С. 170–198.

Ilyenkov E.V. O sushchnosti cheloveka i gumanizme v ponimanii Adama Shaffa (O knige Adama Shaffa «Marksizm i chelovecheskii individ») [On the essence of man and humanism in the understanding of Adam Schaff (About Adam Schaff's book "Marxism and the Human Individual")]. Ilyenkov E.V. *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and culture]. Moscow: Politizdat Publ., 1991. P. 170–198.

Кон И. Социология личности. Над чем работают и спорят философы. М.: Политиздат, 1967.

Kon I. *Sotsiologiya lichnosti. Nad chem rabotayut i sporyat filosofy* [Sociology of personality. What Philosophers Work and Debate]. Moscow: Politizdat Publ., 1967.

Корсаков С.Н., Фролова М.И. Человек: индивидуальное и глобальное. К 90-летию со дня рождения И.Т. Фролова // Человек. 2019. Т. 30, № 5 С. 6–19.

Korsakov S.N., Frolova M.I. Chelovek: individual'noe i global'noe. K 90-letiyu so dnya rozhdeniya I.T. Frolova [The Human Being: individual and global: To the 90th anniversary of the birth of I.T. Frolov]. *Chelovek*. 2019. Vol. 30, N 5. P. 6–19.

Корсаков С.Н., Синеокая Ю.В., Пущаев Ю.В. Советская философия и философия советского периода как предмет исследования // Человек. 2018. № 4. С. 71–93.

Korsakov S.N., Sineokaya Y.V., Puschaev Y.V. Sovetskaya filosofiya i filosofiya sovetskogo perioda kak predmet issledovaniya [Soviet philosophy and the philosophy of the Soviet period as a subject-matter of research]. *Chelovek*. 2018. N 4. P. 71–93.

Краткий философский словарь / под ред. М. Розенталя и П. Юдина. М.: Политиздат, 1939.

Kratkii filosofskii slovar' [Brief Philosophical Dictionary], ed. by M. Rosenthal and P. Yudin. Moscow: Politizdat Publ., 1939.

Макаренко А.С. Болшевцы // *Макаренко А.С.* Педагогические сочинения: в 8 томах. Т. 7. М.: Педагогика, 1986. С. 9–11.

Makarenko A.S. Bolshevtsy [Bolshevtsy]. Makarenko A.S. *Pedagogicheskie sochineniya: v 8 tomakh* [Pedagogical essays: in 8 vols]. Vol. 7. Moscow: Pedagogika Publ., 1986. P. 9–11.

Петросян М.И. Марксизм и гуманизм // Вопросы философии. 1955. № 3. С. 45–59.

Petrosyan M.I. Marksizm i gumanizm [Marxism and humanism]. *Voprosy filosofii*. 1955. Vol. 3. P. 45–59.

Сталин И.В. Беседа с Ромэном Ролланом // *Сталин И.В.* Сочинения: в 18 т. Т. 18. Тверь: Информационно-издательский центр «Союз», 2006. С. 99–110.

Stalin I.V. Beseda s Romenom Rollanom [Conversation with Romain Rolland]. Stalin I.V. *Sochineniya: v 18 tomakh* [Works: in 18 vols.]. Vol. 18. Tver: Informatsionno-izdatel'skii tsentr «Soyuz» Publ., 2006. P. 99–110.

Сталин И.В. Ответ товарищу Иванову, Ивану Филипповичу // *Сталин И.В.* Сочинения: в 18 т. Т. 14. М.: Издательство «Писатель». 1997. С. 244–248.

Stalin I.V. *Otvet tovarishchu Ivanovu, Ivanu Filippovichu* [Reply to Comrade Ivanov, Ivan Filippovich]. Stalin I.V. *Sochineniya: v 18 tomakh* [Works: in 18 vols.]. Vol. 14. Moscow: «Pisatel'» Publ., 1997. P. 244–248.

Суровцев Ю. Воинствующий гуманизм советской литературы // Вопросы литературы. 1967. № 11. С. 118–142.

Surovtsev Yu. Voinstvuyushchii gumanizm sovetskoi literatury [Militant humanism of Soviet literature]. *Voprosy literatury*. 1967. N 11. P. 118–142.

Сухомлинский В.А. Павлышская средняя школа: обобщение опыта учебно-воспитательной работы в сел. сред. шк. М.: Просвещение, 1979.

Sukhomlinsky V.A. *Pavlyshskaya srednyaya shkola: obobshchenie opyta uchebno-vospitatel'noi raboty v sel. sred. shk.* [Pavlysh secondary school: generalization of the experience of educational work in a rural secondary school]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1979.

Устинов О.А. Синтезированный подход к исследованию проблем человека в советской философии в 1980-е гг.: историко-философский анализ // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. № 1. С. 63–72.

Ustinov O.A. Sintezirovannyi podkhod k issledovaniyu problem cheloveka v sovetskoi filosofii v 1980-e gg.: istoriko-filosofskii analiz [A Synthesized Approach to the Study of Human Problems in Soviet Philosophy in the 1980s: Historical and Philosophical Analysis]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologija*. 2021. N 1. P. 63–72.

Узник Лубянки. Тюремные рукописи Николая Бухарина. М.: АИРО-XXI, 2008.

Uznik Lubyanki. Tyuremnye rukopisi Nikolaya Bukharina [Prisoner of the Lubyanka. Prison manuscripts of Nikolai Bukharin]. Moscow: AIRO-XXI Publ., 2008.

Фролов И. Перспективы человека: опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, обобщения. М.: Политиздат, 1983.

Frolov I. *Perspektivy cheloveka: opyt kompleksnoi postanovki problemy, diskussii, obobshcheniya* [Perspectives of a person: the experience of a complex statement of the problem, discussions, generalizations]. Moscow: Politizdat Publ., 1983.

Фролов И. О человеке и гуманизме: работы разных лет. М.: Политиздат, 1989.

Frolov I. *O cheloveke i gumanizme: raboty raznykh let* [About Human and Humanism: Works of Different Years]. Moscow: Politizdat Publ., 1989.

Alderson D. *For humanism: explorations in theory and politics*. London: Pluto Press, 2017.

Cistelecan A. Humanist Redemption and Afterlife: The Frankfurt School in Communist Romania. *Historical Materialism*. 2022. Vol. 30(2). P. 56–90.

Fuchs C. The Praxis School's Marxist humanism and Mihailo Markovic's theory of communication. *Critique*. 2017. Vol. 45(1–2). P. 159–182.

Leopold D. *The Yong Karl Marx: German Philosophy, Modern Politics and Human Flourishing*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Lucács G. Eulogy for Maxim Gorky: A Great Proletarian Humanist. In Maxim Gorky 1868–1936: Eulogies from his funeral on the Red Square, International Literature, No. 8, August 1936. *Red Flag, Journal of the CP (MLM)*. 2007. N. 1. P. 8–12.

Mervart J. Czechoslovak Marxist humanism and the revolution. *Studies in East European Thought*. 2017. Vol. 69(1). P. 111–126.

Petrosyan M. *Humanism: It's Philosophical, Ethical and Sociological Aspects*. Moscow: Progress Publishers, 1972.

Satterwhite J.H. *Varieties of Marxist humanism: philosophical revision in postwar Eastern Europe*. Pittsburgh: University Pittsburgh Press, 1992.